

ОКОПНАЯ ПРАВДА

РОМАНЫ, НАПИСАННЫЕ ВНУКАМИ ФРОНТОВИКОВ

АЛЕКСАНДР КАРПОВ

В СЕРДЦЕ ВОЙНЫ

МОСКВА 2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К26

Иллюстрация на обложке *Павла Магась*

Карпов, Александр Николаевич.
К26 В сердце войны / Александр Карпов. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с.— (Окопная правда Победы. Романы, написанные внуками фронтовиков).

ISBN 978-5-04-180302-5

Война застала восьмилетнего Витю Осокина в родном Мценске. В город вошли фашисты, началась оккупация. Первой погибла мать Вити. Следом одна за другой умерли младшие сестренки. Лютой зимой немцы выгоняли людей на улицу, а их дома разбирали на бревна для блиндажей. Витя с бабушкой пережили лихое время у незнакомых людей.

Вскоре наши войска освобождают город. Возвращается отец Вити, политрук РККА. Видя, что натворили на его родине гитлеровцы, он забирает сына с собой в действующую армию. Витя становится «сыном батальона». На себе испытавший зверства фашистов, парень точно знает, за что он должен отомстить врагу...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-180302-5

© Карпов А., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Глава 1

Под палящим июньским солнцем ватага босоногих мальчишек выбежала по тропинке из рощи и, достигнув берега заводи, образованной речушкой, остановилась. Все как один они смотрели на Витьку, вопрошая его взглядами: в чем причина их массового бегства во время вполне безобидной игры. Тот, вытирая с лица пот и пытаясь отдышаться, вскидывал трясущуюся руку в сторону тропинки, хватал ртом воздух и, почти заикаясь от страха, пытался что-то произнести.

— Ну, что там? — также задыхаясь от быстрого бега, спросил его самый загорелый из полуголых, одетых либо в трусы, либо в штанишки, мальчишек.

— Говори, ну, Витька! — поторопил его с ответом другой.

— Собака большая! — выпалил тот, сглатывая густую слюну. — Сейчас здесь будет!

Услышав о приближении угрозы в виде свирепой, но никем не увиденной, кроме самого Витьки, собаки, вся мальчишеская толпа устремилась дальше, бегом по тропинке. Потом пацаны вскарабкались по поднимающейся навверх, на небольшой, но крутой склон, дорожке и устремились вдоль тянувшихся деревянных заборов, ограждавших огороды и владения жителей города. Через несколько минут, почти задыхаясь от усталости и интенсивного бега, они остановились и упали на мягкий травяной ковер, усыпанный морем одуванчиков.

— Все! Отстала! Уже не догонит! Слишком далеко от ее дома, — заключил мальчик по прозвищу Цыган и закрыл глаза от слепящего солнца.

Ребята развалились на полянке, на которую выходила проселочная дорога узкой и извилистой городской улицы. Их тела часто вздымались от глубокого, вызванного длительным быстрым бегом дыхания. Они, обессиленные, лежали в траве, отдыхая. Слова авторитетного в их мальчишеской среде Цыгана вселили в каждого из них уверенность, что злая собака, загнавшая их своим лаем, больше не будет гнаться и вся погоня на этом и закончится.

— О, водовозка! — неожиданно сказал один из ребят, первым поднявший голову из травы, чтобы осмотреться. — Айда попьем, пацаны.

Все как один они подняли голову, и, увидев худенькую лошаденку, запряженную в повозку с деревянной бочкой, вскочили и пошли в ее сторону.

Возле повозки стояли три женщины и седобородый старик-водовоз. Он поочередно наполнял ведра водой. Потом перекрывал медный кран, вставленный с торца бочки. Подставлял другое ведро и снова его наполнял.

Ребята подошли вплотную к повозке и почти окружили старика, занятого своим делом.

— Деда Миша, налей нам водички, пожалуйста, — первым подал голос светловолосый мальчик.

— А, Витек, ты! — Старик обернулся к ребятам и осмотрел их своими водянистыми старческими глазами, почти закрытыми длинными и густыми седыми бровями. — И мальчишки с тобой. Ну, хулиганье, опять где-то бегаете. Вон, потные все.

Он снова повернулся к своей бочке, где поменял наполненное ведро на пустое.

— Сейчас налью хозяйкам, потом вас попою, — старик улыбнулся своей доброй беззубой улыбкой, располагая к себе собравшихся рядом детей.

Стоявшие возле бочки женщины обеспокоенными взглядами смотрели друг на друга. Одна из них, самая мо-

лодая, краем платка закрывала нижнюю часть лица. Глаза ее наполнялись слезами. Вторая, сложив на боках сжатые в кулаки руки, отвернулась в сторону и, казалось, вот-вот зальется горьким плачем.

— Как же теперь быть-то? — сказала третья, растерянно дергая головой по сторонам, как будто искала что-то. — Мужиков-то наших всех позабирают.

— Вот то-то же! И не понятно, надолго ли? — ответила ей та, что стояла, подперев руками бока.

— Как же мы теперь? А детки наши? Господи! — запричитала та, что закрывала лицо платком.

Все три женщины залились слезами. Они, почти как по договоренности, одновременно обернулись к подошедшим к повозке детям. Бросив на них взгляды, женщины расплакались еще сильнее. Две из них отвернулись, стесняясь своих слез. А та, что мотала до этого головой, сложила ладони на подбородке и плача, стала оглядывать мальчишек, которые не обращали на нее никакого внимания.

— Да не ревите вы! — громко крикнул на них старик-водовоз. — Подумаешь германец! И что? В четырнадцатом годе тоже с ним воевали! И ничего! Сыты, здоровы! Вон, каких детей нарожали! Приятно посмотреть!

Он кивнул в сторону стоявших возле него ребят.

К водовозке быстрым шагом приблизилась еще одна молодая женщина. Выглядела она не менее озадаченно, чем те, что уже заливались слезами. Поддавшись их общему настроению, она тоже заревела, вытягивая из себя тонким голоском:

— Ой, что будет-то!

Старик отставил от себя последнее наполненное водой ведро. Он немного поерзал на маленьком стульчике, потом снял с гвоздя подвешенную на него деревянную кружку, громко дунул в нее, выдувая накопившуюся пыль и песок, и подставил под кран. Вода с шумом наполнила емкость прохладной водой. После чего старик протянул ее стоявшему ближе всех мальчику.

— Держи, Витек, наслаждайся! — произнес водовоз, снова расплываясь в беззубой добродушной улыбке.

Мальчик взял кружку и передал ее самому маленькому по росту и по возрасту, что непременно было положительно оценено остальной ребячьей компанией.

— Да не войте вы здесь! — громко крикнул старик на женщин, все еще не уходивших от его повозки. — Ребят напугаете!

Солнце стояло уже высоко. День становился необычайно жарким. Разморенный погодой и усталостью от приключений первой половины дня мальчик Витя, оставив друзей, зашел в распахнутую калитку, расположенную в конце огорода, и направился к невысокому, облицованному доской бревенчатому дому с низкой крышей. Дверь в строение была распахнута настежь, что объяснялось полуденной жарой. Мальчик поднялся по скрипучим ступеням на крыльцо и вошел в сени, где, наполнив ковшик из широкого большого деревянного ведра, снова стал пить холодную воду.

— Ну где ты ходишь, сорванец! — услышал Витя строгий голос бабушки — матери отца. — Бегом за стол! Обедать пора.

Он не спеша прошел в просторную горницу и направился к стоящему возле окна столу, за которым уже обедала его трехлетняя сестра Валя, старательно зачерпывая ложкой содержимое тарелки и отправляя себе в рот. Подбородок и голая грудь девочки были уже изрядно испачканы едой.

Вошедшего в горницу Витю, как бы здороваясь, небрежно потрепал по голове его дядя Илья, младший брат отца, сидевший в углу справа от входа.

— На-ка, супчика поешь. Сейчас еще молочком побелю, чтоб сытнее было, — старушка поставила на стол тарелку с похлебкой, потом положила рядом большую деревянную ложку и кусок ржаного пахучего хлеба, выпеченного в печи утром, когда Витя еще крепко спал.

— Так ты говоришь, что все слышали? Что из репродуктора так и сказали? — обратилась к Илье мать Вити, подошедшая к сыну сзади и погладившая его коротко стриженную голову.

— Ну да, — ответил ей Илья, — народ сразу зароптал, бабы какие-то завыли. Так я сразу и пришел, чтобы рассказать.

Мать и бабушка переглянулись. После чего пожилая женщина, строго посмотрев на младшего сына, заворчала на него:

— Бреешь, поди! Выдумал чего! Война, война. Сиди уж. Петя со службы придет и разъяснит все как есть. Ему-то виднее там, в армии, — она снова посмотрела на мать Вали и Вити, глаза которой стали наполняться слезами: — А ты чего? Тебе волноваться нельзя. Родила, кормить должна, а то молока не будет! Покупать придется!

— Так Петю опять воевать пошлют. Два года назад уже посылали. Вон, какой худой оттуда вернулся, — запричитала женщина в ответ на упреки свекрови.

Витя невольно повернулся к матери и посмотрел в ее лицо, продолжая пережевывать кусок смоченного хлебом хлеба.

— Ничего, главное, что вернулся, — ответила ей пожилая женщина, хлопоча возле печи.

Ее сноха выдвинула из-под стола табуретку и села на нее, расположившись между сыном и дочерью. Она поочередно смотрела на них.

— Пойди лучше в погреб, картошки набери, — строго сказала бабушка Илье. — Скоро Петя со службы придет, кормить надо.

Хромоногий с детства молодой человек встал, опираясь на край стола, и вышел из горницы, после чего из сеней послышался грохот, возникший от неуклюже взятого с собой под картошку пустого мешка, лежавшего на лавке под железными инструментами.

— Петю не тревожь. Твое дело — дети, — ворчала у печи бабушка, адресуя свои напутствия снохе.

Молодая женщина продолжала поочередно смотреть на своих детей. Постепенно глаза ее становились влажными, и, чтобы не испугать слезами ребятишек, она отошла в сторону, к подвешенной за гвоздь на потолке люльке, где как раз подавала голос четырехмесячная Тамара.

Витя уже закончил обедать и стоял в сенях возле большого деревянного ведра, пил из него с помощью ковшика, когда возвратился Илья, держа в руке грязный мешок, наполовину заполненный картошкой из погреба.

— Ну-ка, Витя, давай сюда ведро. Я картошку пере-сыплю, — сказал ему дядя, поднимаясь по скрипучим ступеням в дом.

— Сюда неси! — громко потребовала бабушка. — Тут ведро стоит. Витя, помоги ему, ведро подержи.

Мальчик давно уже привык к строгости, а порой к откровенной грубости своей бабушки, сама жизнь которой не позволила ей долго оставаться мягкой. Одна, без мужа, погибшего в Первую мировую войну, она тянула четверых детей. Нужда, постоянная нехватка самого необходимого, инвалидность младшего ребенка сделали женщину суровой во многом, даже в мелочах. Потому она не стеснялась своего громкого голоса, властвовала, командовала и подчиняла себе всех домашних. Авторитетом в доме был только отец Вити, после смерти родителя вынужденный быстро повзрослеть, чтобы тянуть на себе часть мужского труда в домашнем хозяйстве. В конце двадцатых годов он уехал на заработки на Донбасс, чтобы помогать матери кормить остававшегося с ней младшего брата-инвалида. Через несколько лет он вернулся домой, но уже не один. В отчий дом он привел молодую супругу, ставшую впоследствии матерью для Вити и двух его сестер. К тому времени с начинавшей стареть женщиной в доме оставался только хромоногий от неудачных родов Илья. А старшие сыновья уже создали свои собственные семьи и разъехались кто куда.

— Мама, я так думаю, что война недолго продлится, — неожиданно продолжил начатую беседу Илья, уже направлявший горловину мешка с картошкой в ведро, — может, и Петьку туда не отправят. У нас такая армия! В стольких войнах победила!

— Не шуми! Нашумел уже! Вон, Тамару разбудил грохотом в сенях, — пожилая женщина строго посмотрела на сына, взглядом давая ему понять, что в присутствии кормящей снохи лучше не вести пугающих ее разговоров об отправке мужа на войну.

Но Илья по простоте душевной и необразованности не понял матери. Он с улыбкой на лице продолжил излагать мысли, считая нужным по-своему успокоить жену брата:

— Я и говорю. С японцами мы разобрались уже. Сначала на КВЖД, потом на Хасане, потом на Халкин-Голе. В Западной Белоруссии границу отодвинули. Петя сам там участвовал. Даже медаль получил! Белофиннов разгромили.

— Да замолчишь ты или нет! Вон, картошку просыпал! — продолжала ворчать пожилая женщина, наклонившаяся для того, чтобы поднять с пола просыпавшиеся клубни.

— А что? — не унимался Илья. — Гитлера тоже погоним. Нечего Пакт о ненападении нарушать. Да еще и без объявления войны.

Витя не обращал никакого внимания на разговоры взрослых. Его мысли были заняты очередной предстоящей встречей с ровесниками, с которыми в жаркий день они собирались тайком от взрослых сбежать на речку.

— Я пойду? — он вопросительно посмотрел на мать, ожидая ее разрешения на продолжение своей беззаботной детской жизни, посвященной в его семье с половиной лет только веселому времяпрепровождению с друзьями на свежем воздухе с постоянными играми и шалостями.

— Иди, только на речку не ходи. Витя, ты понял меня? — мать пыталась говорить строго, стараясь пере-

весить чашу влияния свекрови на ее маленького сына в свою сторону.

Но в состоянии неожиданно навалившейся опасности и волнения за судьбу мужа она не могла сделать свой голос и выражение лица строгими. Сказанная ею фраза звучала исключительно жалостливо и волнующе, выдавая ее состояние.

— Пусть Илья с ними пойдет. Все равно ведь сбегут на реку, — вставила свое слово строгая бабушка, — чего ему тут в жару сидеть. Сам искупается и за ребятами присмотрит.

Радостный Витя, не дожидаясь официального разрешения на прогулку, с радостным криком выбежал на улицу, где его уже поджидали двое его неразлучных друзей: Леха и Цыган.

Дисциплинированный Леха, услышав о намерении пойти с ними на речку Витькиного дяди, решил непременно сообщить об этом своей матери. Жили они по соседству, поэтому друзьям не составило труда навестить соседку тетку Нюру — Лехину маму. Цыган, в свою очередь, был более самостоятельным и независимым от контроля своих родителей, что избавляло его от необходимости оповещать их о своих намерениях.

Едва дождавшись хромоногого, а потому медлительного Илью, ребята с шумом помчались в направлении тропинки, которая вела к реке мимо жилых домов, сараев и огородов. Иногда они останавливались и начинали баловаться, играть во что-нибудь, ожидая еле идущего к ним Илью. А иногда прятались от него где-нибудь в кустах и, сидя в засаде, ждали, пока тот пройдет мимо, не заметив их присутствия. Потом друзья пристраивались сзади и начинали весело пародировать ковыляющую походку инвалида. На эти выходки простодушный Илья никогда не обижался. Он лишь делал строгий вид, но быстро менял его на обычное свое доброе выражение лица и веселился вместе с мальчишками.

Немногим позже шумная компания босоногих ребят устало и не спеша возвращалась с речки. Нанырившись и наплававшись, друзья брели к своим домам. Как всегда, что свойственно их юному возрасту, они не обращали никакого внимания на происходящее вокруг них. Обсуждая между собой яркие впечатления от проделанных трюков во время ныряний, они не заметили происходившую на улицах суету. То и дело мимо проходила какая-нибудь заплаканная женщина. Или несколько женщин стояли вместе, что-то живо обсуждая между собой. А некоторые из них вытирали слезы с покрасневшихся лиц.

— Как же мы теперь будем-то? — говорила одна, опустив голову.

— Да еще и с детьми малыми, — отвечала ей вторая, вытирая краем платка влажные щеки. — У меня трое, у тебя четверо.

Уже подходя к дому и поочередно расставаясь до завтрашнего дня то с одним, то с другим товарищем, Витя увидел из-за кустов двух приближавшихся всадников в военной форме, одним из которых был его отец. Витя уже собрался было догнать его, когда тот спрыгнул с лошади и отдал поводья второму военному, который тут же повернул своего и отцовского коня и поскакал прочь. Отец, обычно возвращавшийся домой со службы верхом и с коноводом, обязательно усаживал сына в седло и давал ему немного покататься верхом, с детства тем самым приучая к взрослой мужской жизни. Но на этот раз такого не случилось. Отец снял с головы фуражку и, рукавом гимнастерки вытирая пот со лба, устало побрел к калитке дома.

От неожиданности увиденного Витя перешел с бега на шаг, удивляясь такому необычному поведению родителя. Он догнал его в сенях, где стояла мать и полными слез глазами вопросительно смотрела на мужа. Тот вошел в горницу и сразу сел на стул в углу, где еще днем располагался дядя Илья. Вошедшего в дом сына он сразу взял за плечо и притянул к себе. Мужчина ни на кого не смо-

трел. Его усталый взгляд был направлен в пол. Он молчал, часто и глубоко дышал. Через несколько минут он поднял глаза на супругу и тихо произнес:

— К утру надо чемодан собрать. Белье, портянки. — Он сделал паузу и о чем-то ненадолго задумался, потом продолжил: — Шинель заверни. Бритву я сам положу. И поесть там чего-нибудь на три дня.

Он сильнее прижал к себе сына, продолжая смотреть только в пол. Мать прижала руки к груди и, почти не мигая, смотрела на мужа. Недолго так постояв, она тихо спросила его:

— Петя, ты есть будешь?

— Нет. Не хочется совсем, — ответил ей супруг.

Потом он встал и, взяв за руку Витю, вышел на крыльцо. Сев на ступеньки, он посадил его рядом и закурил, чего никогда не позволял себе делать, находясь рядом с ребенком.

— Мать береги, сестер береги, — сказал он, глядя в сторону садившегося за горизонт июньского солнца, — ты уже совсем большой. Во второй класс пойдешь. Помогай матери во всем. И учиться не ленись.

Витя пристально смотрел на отца, каждый раз взглядом провожая его руку, державшую тлеющую папиросу. После произнесенных в свой адрес слов, он быстро закивал, давая понять, что непременно будет исполнять наказ родителя. Хотя сказанное не пустило корни в душе семилетнего мальчика в силу возраста, еще не дававшего ему осознавать важность услышанного.

На пороге появилась мать. Она вела за руку трехлетнюю Валу и держала у груди маленькую Тамару. Отец, докурив, взял у нее детей, расположив на колене старшую, а на руках — младшую. Он начал целовать их и прижимать к себе, делая это так, как будто очень переживает за их судьбу и старается передать им свою любовь. Всю ту отцовскую любовь, которую не успел отдать своим детям за предыдущее время. У матери затрясся подбородок. Она залилась слезами и отвернулась, а потом и во-

все скрылась в сеньях, чтобы своим плачем не расстраивать детей.

— Папа, ты что? — спросил его ничего не понимающий Витя.

Отец медленно повернул в его сторону голову и посмотрел прямо в глаза сыну.

— Война началась, сынок. Воевать я поеду, — сказал он и погладил его по голове.

Витя вздрогнул от неожиданности услышанного. В его памяти уже почти стерлись события двухлетней давности, когда несколько месяцев отца не было дома. А потом он вернулся с яркой красивой медалью на гимнастерке и еще долгое время приходил в себя, оставаясь необычно молчаливым.

Отцу Вити, Петру Дмитриевичу, было тридцать пять лет. Уже в восемь он остался сиротой — в то время домой пришла весть о гибели на фронте Первой мировой войны его отца. А вскоре, чтобы хоть как-то прокормиться, он был отдан в ученики в сапожную мастерскую, где впоследствии, старательно обучаясь ремеслу, стал подмастерьем. Помимо этого, ему пришлось еще прислуживать у мастера, выполнять некоторые поручения по хозяйству, присматривать за детьми и помогать в работе по дому. В ответ на это хозяин мастерской хорошо к нему относился и, как говорили тогда, не обижал. А вскоре и сам Петр Дмитриевич стал неплохим сапожником.

Послереволюционные события, Гражданская война были с немалыми усилиями пережиты оставшейся без старшего мужчины семьей Петра Дмитриевича. Становление новой власти, НЭП, трудные голодные годы — все это было преодолено матерью и четверью ее взрослыми сыновьями. Вскоре двое из них создали свои семьи и покинули отчий дом, начав обустраиваться где-то поблизости. Самый старший — в деревне, где в то время было легче прокормиться по причине наличия собственного хозяйства. Второй брат тоже уехал с молодой женой, найдя заработок где-то в стороне от родных мест.